

**ЗАВИСИТ ЛИ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИДИОМ ОТ ИХ
СЕМАНТИКИ?¹**

**DOES THE SYNTACTIC BEHAVIOUR OF IDIOMS DEPEND ON THEIR
SEMANTICS?**

Д.О. Добровольский

Институт русского языка РАН, Москва

dm-dbrv@yandex.ru

¹ Работа выполнена в рамках проекта "Корпус Австрийской Академии" (Austrian Academy Corpus – AAC) Австрийской академии наук.

На примере пассивизации идиом в статье показано, что для синтаксической трансформации определенного вида могут быть сформулированы условия, соблюдение которых позволяет осуществлять данную трансформацию, не нарушая требований узуса.

1. Предварительные замечания и постановка задачи

Во всех известных синтаксических теориях указывается на трансформационную дефектность идиоматики. Неспособность идиом регулярным образом подвергаться стандартным трансформациям синтаксической структуры рассматривается в качестве одного из конститутивных признаков фразеологии как особого компонента лексикона. Среди синтаксических трансформаций, действие которых не распространяется на сферу идиоматики, часто называются топиализация, ввод в именную группу кванторного слова или определения любого вида, анафорические замены, преобразование активного залога в пассивный (пассивизация), номинализация, ввод в компонентный состав контрастного отрицания, помещение идиомы в контекст вопросительных и императивных предложений и др. Эти и подобные им преобразования либо делают предложения с идиомами (в отличие от предложений, не содержащих идиом) аграмматичными, либо допускают только дословное прочтение таких предложений.

Исследования последних десятилетий в области фразеологии показали, однако, что для определенных идиом те или иные трансформации синтаксической структуры оказываются допустимыми, и их выполнение не приводит к разрушению актуального значения. Например, *заварить кашу* → *Эту кашу заварил Иван; Ты опять заварил удивительную кашу; Что за кашу ты опять заварил?; Боюсь, что нам еще долго придется расхлебывать заваренную им кашу.* Ср. также [Баранов, Добровольский 1991].

Возникает вопрос, каким образом могут быть объяснены подобные явления. Существуют ли некие правила, объясняющие приемлемость той или иной трансформации для идиом определенного типа? Или же соответствующие ограничения носят совершенно произвольный характер? Если в этой области существуют определенные правила, в каких терминах они должны формулироваться? Являются ли они семантическими по сути, т.е. может ли значение идиомы в какой-то степени предсказывать ее синтаксическое поведение? Или же мы имеем дело с правилами иной природы?

Цель данной статьи – попытаться найти ответы на некоторые из поставленных вопросов. На примере пассивизации мы покажем, что для трансформации определенного вида могут быть сформулированы условия, соблюдение которых позволяет осуществлять данную трансформацию, не нарушая требований узуса. Если же эти условия нарушаются, это приводит либо к появлению

нетривиальных семантических и прагматических эффектов (в частности, эффектов языковой игры), либо к явно некорректным реализациям соответствующей идиомы.

2. Преобразование активного залога в пассивный

Интерес исследователей к пассивизации идиом обусловлен потребностью объяснить различия в поведении глагольных идиом в отношении пассивных преобразований. В литературе встречаются различные попытки объяснения; ср. [Abraham 1989; Chafe 1968; Newmeyer 1974; Dobrovol'skij 2001].

Одна из наиболее удачных гипотез в этой области базируется на семантической членности идиом, т.е. на относительной семантической автономности отдельных компонентов. В соответствии с этой гипотезой способность идиомы образовывать пассив зависит от того, может ли быть приписано относительно самостоятельное значение именной группе, выступающей в составе идиомы в функции объекта [Fellbaum 1993: 289; Dobrovol'skij 1997: 91-102]. В русском языке сюда могут быть отнесены такие идиомы, как *сломать лед (в отношениях)* → *лед (в их отношениях) был сломлен, объявить бой (какому-л. явлению)* → *(какому-л. явлению, например, пьянству) был объявлен бой*, в отличие от идиом типа *бить баклуши* → **баклуши были биты*. Причина этого в том, что *лед* и *бой* обладают определенной семантической самостоятельностью и, будучи перемещенными в позицию подлежащего (и соответственно, тематического субъекта) могут быть проинтерпретированы осмысленным образом. Напротив, слову *баклуши* в идиоме *бить баклуши* не может быть приписано никакого самостоятельного значения, что запрещает любые трансформации, изменяющие коммуникативный статус именного компонента.

Таким образом, идея о зависимости пассивизации от семантической членности структуры идиомы представляется правильной. Однако, как будет показано ниже, этот критерий явно не универсален.

Анализ репрезентативной выборки немецких идиом в контекстах, отобранных на основе текстовых корпусов Института немецкого языка в Мангейме (см. подробнее [Dobrovol'skij 2001]), позволяет предположить, что механизмы пассивизации идиом управляются правилами комплексной природы и не могут быть объяснены с помощью какой-либо одной импликации. Способность идиомы образовывать формы страдательного залога представляется градуированным свойством. Это означает, что, помимо случаев, в которых

возможность пассивизации не вызывает сомнений или же, напротив, абсолютно исключена, существуют формы пассива, допустимые только в определенных контекстных условиях. Градуированность способности к пассивизации подтверждается также и тем, что мнения информантов о допустимости той или иной формы страдательного залога часто расходятся. Кроме того, анализ примеров из текстовых корпусов показывает, что в некоторых случаях пассивные формы оказываются более распространенными, чем активные (как, например, для английской идиомы *take somebody for a ride* 'обмануть', ≈ *обвести кого-л. вокруг пальца*²), а в других случаях на потенциально допустимые формы пассива не удается найти ни одного реального примера. Это вполне объяснимо. Залог служит не только и не столько перераспределению синтаксических ролей, сколько перераспределению стоящих за ними коммуникативных рангов [Плунгян 2000: 195-199], поэтому для того, чтобы пассивизация идиомы воспринималась естественно, мало ее грамматической допустимости, нужно еще, чтобы существовали ситуации, диктующие соответствующие прагматические условия. Вполне возможно, что для одних идиом такие ситуации оказываются коммуникативно более значимыми, чем для других. Кроме того, относительная частотность употребления определенных форм может объясняться чисто узуальными предпочтениями. В данной работе эти и подобные им факторы не рассматриваются. Задача состоит в определении тех условий, соблюдение которых необходимо, для того чтобы пассивизация была возможна в принципе.

В дальнейшем изложении мы попытаемся сконцентрироваться не на условиях образования пассива как особой морфосинтаксической формы, а на условиях применения пассивной трансформации [Givón 1995: 243]. Если исходить из того, что пассивизация как синтаксическая трансформация в любом случае предполагает передвижение именной группы (NP-movement), следует проводить последовательное различие между пассивом как морфосинтаксической формой, с одной стороны, и пассивной трансформацией – с другой. Иными словами, здесь будет рассматриваться только "полный пассив", предполагающий, в отличие от пассива "ленивого" и "имперсонального", продвижение дополнения в позицию подлежащего (подробнее об этих видах пассива [Плунгян 2000: 220]). Ориентация на "полный пассив" как на залоговую реализацию с совпадением "пассивной формы" и "пассивного смысла" [Zifonun, Hoffmann, Strecker et al. 1997: 1816-1817], возможно, позволит сформулировать некоторые общие правила, приложимые к материалу различных языков и обладающие тем самым большей объяснительной силой, чем более частные идиосинкратичные правила. Особенности

каждого конкретного языка могут быть описаны на следующем этапе исследования в виде дополнений к этим общим правилам и уточнений условий их приложения. Межъязыковые различия в этой области достаточно хорошо известны, так что здесь их можно не обсуждать. Особенности конкретных языков в этой области связаны в различной степени с грамматикализацией пассива. Так, в английском языке пассив грамматикализован в большей степени, чем в немецком, а в немецком – в большей степени, чем в русском. В русском языке пассив гораздо более продуктивен для агентивных глаголов, чем для стативных; ср. [Апресян 2002; Падучева 2003: 196].

3. Правила пассивизации идиом

3.1. Общие семантические предпосылки

Важнейшая предпосылка для образования полного пассива носит чисто семантический характер и не является специфичной для идиом. Лексические единицы (глаголы и глагольные фразеологизмы любых типов) могут в принципе пассивизироваться только в том случае, если они могут осмысляться как лексемы с *агентивно-переходной семантикой*. Иными словами, такие лексемы должны интерпретироваться как обозначающие действия, каузируемые активной сущностью (необязательно Агенсом в точном смысле) и направленные на объект (как правило, Пациент или Тему/Объектив)³. См. подробнее [Givón 1995: 76]. Специфичным для идиоматики оказывается требование агентивно-переходной интерпретируемости не только относительно актуального значения, но и относительно образной составляющей. Последнее касается в первую очередь идиом с прозрачной внутренней формой.

Исходя из этих наблюдений, можно переформулировать гипотезу о зависимости способности идиом к пассивизации от наличия квазисинонимичного глагола, регулярно преобразуемого в пассив [Chafe 1968; Newmeyer 1974], в более общих терминах. Эта гипотеза выводит, например, неспособность идиомы *kick the bucket* ≈ 'умереть' образовывать формы пассива из того факта, что глагол *die* 'умереть' не может употребляться в страдательном залоге. Критерий квазисинонимичности идиомы с соответствующим глаголом оказывается лишь частным случаем более общей тенденции, поскольку существует немало идиом, которые вообще не могут быть перефразированы с помощью одного глагола.

Также и отмечаемое в специальной литературе ограничение на пассивизацию, связанное с наличием в структуре идиомы непассивируемых глаголов, может быть описано как частный случай общего требования допустимости агентивно-

² Интересно, что эта русская идиома в пассиве практически не употребляется.

³ В языках типа английского это могут быть также Адресат, Реципиент и Бенефактив.

переходной интерпретации обоих аспектов плана содержания (т.е. актуального значения и внутренней формы). Дело, по-видимому, не в том, что тот или иной глагол в структуре идиомы препятствует ее пассивизации (хотя и это, конечно, достаточная причина для трансформационных ограничений), а скорее в том, что содержащие не пассивизируемые глаголы идиомы не могут быть прочитаны в их прямом значении как словосочетания с агентивно-переходной семантикой. Таким образом, те ограничения на образование пассива, которые обычно объяснялись действием поверхностных факторов, могут быть сведены к достаточно общим семантическим тенденциям.

3.2. Семантико-синтаксические условия пассивизации

Помимо общего семантического требования агентивно-переходной интерпретируемости, существуют и другие – в известной степени грамматические – предпосылки пассивизации. Поскольку пассивная трансформация – это вид перемещения именной группы (ИГ), то в компонентном составе идиомы или в ее актантной рамке должна присутствовать ИГ, способная к продвижению в позицию подлежащего. В русском языке (как и в немецком) это, как правило, прямое дополнение, в английском – как прямое, так и косвенное. В нормальном случае такое дополнение должно обладать относительной семантической самостоятельностью (об исключениях ниже). Эта общая предпосылка реализуется в сфере идиоматики в двух версиях:

- в аргументной структуре идиомы должен находиться актант, способный взять на себя функцию подлежащего ("внешнее" ИГ-перемещение);
- именная группа, перемещаемая в позицию подлежащего, является частью идиомы и должна в этом случае обладать относительной самостоятельностью ("внутреннее" ИГ-перемещение).

Рассмотрим эти две версии ИГ-перемещения более подробно.

3.2.1. Условия "внешнего" ИГ-перемещения

Пассивизация глагольной идиомы может осуществляться за счет того, что в аргументной структуре этой идиомы содержатся актанты, которые на основе их семантико-синтаксических свойств (падежных ролей) могут брать на себя функцию тематического субъекта (в стандартном случае совпадающую с синтаксической функцией подлежащего). Синтаксически эти свойства проявляются как наличие открытой валентности, которая (в языках, имеющих категорию падежа) заполняется аккузативным – реже дативным – актантом. В этом случае именная группа, перемещаемая в тематическую позицию, является не

частью идиомы, а элементом ее синтаксического окружения. Ср. *связать по рукам и ногам кого-л.* → *кто-л. был связан по рукам и ногам*, *стереть в порошок кого-л.* → *кто-л. был стерт в порошок*, *взять на бордаж кого-л.* → *кто-л. был взят на бордаж*, *предать анафеме кого-л./что-л.* → *кто-л./что-л. был(о) предан(о) анафеме*. Следовательно, разложимость идиомы на значимые составные части не образует здесь необходимой предпосылки для пассивизации.

3.2.2. Условия "внутреннего" ИГ-перемещения

Пассивизация глагольной идиомы может осуществляться за счет того, что именная группа в компонентном составе идиомы перемещается в позицию подлежащего: *спутать все карты* → *все карты были спутаны*, *испортить всю обедню* → *вся обедня была испорчена*.

Именная группа должна при этом обладать относительно автономным значением. В этом случае глагольная идиома интерпретируется не как неделимый предикат, а как построенная по регулярным синтаксическим принципам глагольная группа, т.е. как глагольный предикат со своими актантами. Соответствующая именная группа выполняет функцию актанта, вычлененного из семантического целого и обладающего своим значением. Важной предпосылкой пассивной трансформации оказывается при этом падежная роль именной группы, перемещаемой в тематическую позицию. В языках типа русского или немецкого это должен быть либо Пациенс, либо Объектив (называемый в некоторых версиях падежной грамматики также Темой).

Обращение к аутентичным контекстам показывает, что пассивизация членимых идиом представляет собой достаточно распространенное явление, причем встречается тем чаще, чем явственнее ошутим самостоятельный семантический потенциал соответствующей именной группы.

3.2.3. Случаи семантико-синтаксической асимметрии

Все обсуждавшиеся до сих пор условия пассивизации, большей частью, относительно тривиальны, поскольку отражают достаточно общие принципы преобразования активного залога в пассивный. Специфика идиом по сравнению с глаголами проявляется лишь в их способности к "внутреннему" ИГ-перемещению, что также достаточно очевидно, поскольку соответствующая валентность глагольного компонента идиомы часто заполняется внутри самой идиомы, т.е. эта валентность заполняется не актантом-переменной, а именной группой, входящей в компонентный состав идиомы.

Более сложными и интересными в теоретическом плане представляются случаи типа *поставить крест на ком-л./чем-л.* → *на ком-л./чем-л. был поставлен крест*. Значение идиомы

поставить крест в силу устройства лежащей в ее основе метафоры плохо членится на семантически самостоятельные фрагменты, изоморфные компонентам *поставить* и *крест*. Таким образом, продвижение компонента *крест* в позицию подлежащего противоречит условию семантической членимости. Действительно, странно производить операции над коммуникативным рангом лексического элемента, не обладающего самостоятельным референциальным статусом. Очевидно, в данном случае продвижение именного компонента в позицию подлежащего является чисто синтаксической операцией, не приводящей к изменению его коммуникативного ранга. В тематическую позицию выносятся не этот компонент, а актант, заполняющий пациенсную валентность (или какой-либо другой член предложения); ср. просодически нейтральное высказывание *На Иване Ивановиче был поставлен крест* и высказывание ³*Крест был поставлен на Иване Ивановиче*, явно требующее специальных контекстных условий и специфической просодии. Подчеркнем, что речь идет не о порядке следования компонентов (*был поставлен крест* vs. *крест был поставлен*), а именно о тематической позиции: необычным и требующее специальных условий является не порядок слов *крест был поставлен*, а вынесение компонента *крест* в тему высказывания и изменение его коммуникативного ранга. Что касается данного порядка следования компонентов, то он вполне допустим: например, при таком коммуникативном членении предложение, при котором вся идиома оказывается в теме, а рему образует множественный Пациенс, как в случае (1).

(1) Несколько раньше *крест был поставлен* на Сергее Кирьякове, Игоре Шалимове, Дмитрие Харине. ["Интерфакс-АИФ"]

Обнаруженные в текстовых корпусах⁴ и в Интернете контексты подтверждают наличие подобных ограничений в распределении коммуникативных ролей. Ср. нейтральные примеры употребления этой идиомы в страдательном залоге (2) и (3), с одной стороны, и явно игровые контексты (4) и (5) – с другой.

(2) Выпускников факльтета журналистики практически всех пытались завербовать в КГБ. Исключение составляли единицы, вроде меня, которые уже успели пострадать от КГБ и на которых *был поставлен крест*. [А. Мальгин. "Столица"]

⁴ Был использован Национальный корпус русского языка, корпуса русских текстов Тюбингского университета (Германия) и корпуса Отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

(3) Неизвестно, был ли у Гайникамал талант врача, но мечталось ей стать и авиаконструктором <...>. А еще будоражили воображение индийские фильмы <...>. На карьере врача *крест был поставлен* быстро и бесповоротно. [К. Евдокименко. "Новости недели"]

(4) *Окончательный жирный крест был поставлен* после того, как в клубе случился пожар: сгорело несколько эллингов вместе со всем снаряжением <...>. [Публицистика Интернета]

(5) Целая стопка журналов стоит на моем столе и все беленькие и пушистые, но только последний номер стал черным и *жирный крест был поставлен* на нем. [Публицистика Интернета]

Игровой характер контекстов (4) и (5) подчеркивается введением в структуру идиомы нестандартных определений.

В случаях пассивизации идиом, подобных обсужденному здесь выражению, мы, судя по всему, имеем дело с рассогласованием функций грамматического подлежащего и тематического субъекта. Для теории фразеологии вообще и для построения грамматики идиом в частности подобные явления представляют особый интерес.

Возвращаясь к вопросу, поставленному в заголовке статьи, заметим, что не него невозможно дать один простой ответ. Ответ каждый раз будет зависеть от того, какая конкретная трансформация синтаксической структуры идиомы имеется в виду. Для пассивизации, как и для некоторых других преобразований (например, для анафорических замен, ввода в именную группу указательных местоимений, ввода в состав идиомы контрастного отрицания), семантические факторы являются решающими. С другой стороны, способность идиомы менять порядок следования своих компонентов вряд ли непосредственным образом зависит от ее семантических особенностей. Ср. *креста на тебе нет* → ^{??}*нет на тебе креста*, ^{??}*на тебе креста нет*, ^{??}*на тебе нет креста*, но *Иван Иванович дал дуба* → *Иван Иванович дуба дал*. Информация о фиксированности порядка слов в идиоме представляется чисто словарной. Неслучайно фразеологические словари, основанные на современных представлениях о лингвистически значимых особенностях идиоматики, эксплицитно отражают эту информацию в структуре словарной статьи (ср. [Буй 1995; Lubensky 1995]).

В целом очевидно, что посторение грамматики идиом требует дифференцированного подхода.

Список литературы:

Апресян Ю.Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении, 2002. № 1. С. 10-29.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. К универсальному определению идиомы // Макет словарной статьи для Автоматизированного толково-идеографического словаря фразеологизмов. М.: Ин-т русского языка, 1991. С. 7-17.

Буй В. Русская заветная идиоматика. М.: Помовский и партнеры, 1995.

Падучева Е.В. Таксономическая категория как параметр лексического значения глагола // Русский язык в научном освещении, 2003. № 2. С. 192-216.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.

Abraham W. Idioms in contrastive and in universally based typological research: toward distinctions of relevance // Proceedings of the first Tilburg workshop on idioms. Tilburg: ITK, 1989. P. 1-22.

Chafe W.L. Idiomaticity as an anomaly in the Chomskyan paradigm // Foundations of language 4, 1968. P. 109-127.

Dobrovol'skij D. Idiome im mentalen Lexikon: Ziele und Methoden der kognitivbasierten Phraseologieforschung. Trier: WVT, 1997.

Dobrovol'skij D. Pragmatische Faktoren bei der syntaktischen Modifizierbarkeit von Idiomen // Pragmatische Syntax. Tübingen: Niemeyer, 2001. S. 271-308.

Fellbaum C. The determiner in English idioms // Idioms: processing, structure, and interpretation. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1993. P. 271-295.

Givón T. Functionalism and grammar. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1995.

Lubensky S. Random House Russian-English dictionary of idioms. New York: Random House, 1995.

Newmeyer F.J. The regularity of idiom behavior // Lingua 34, 1974. P. 327-342.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker B. et al. Grammatik der deutschen Sprache. Bd. 3. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1997.